

САВИНОВА Н. А.

Национальный университет «Одесская морская академия»,
декан факультета морского права и менеджмента,
доктор юридических наук, старший научный сотрудник

ИНФОРМАЦИОННАЯ (ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ) СИНГУЛЯРНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА

*«...Мы совсем не жестоки, а если и жестоки
с вашей точки зрения, то только теоретически.
Ведь мы вовсе не собираемся разрушать ваш старый мир.
Мы собираемся построить новый. /.../
Нынешний старый мир, нам мешать не станет.
Он будет даже помогать.
Прежняя история прекратила течение свое,
не надо на нее ссылаться.»*
(«Гадкие лебеди». Аркадий и Борис Стругацкие)

Уникальность состояния общества, принявшего данность Информационного общества, заключается в утопической вере в возможность управления известными ранее методами и идеологией в новой социальной среде. Лишь в последнее время в наиболее развитых системах управления государств и институций планеты проявляется понимание того, что в условиях переизбытка коммуникативных последствий информирования (распространения информации) открытого общества, сопряженные с различными уровнями восприятия, интерпретаций, мозаичной эмоциональной реакцией и объединений различных групп, способны приводить к полной инверсии первоначальных фактов и смыслов. «Разумные» системы управления умеют этим пользоваться и достигают желаемого эффекта, «неразумные» упускают возможности современной коммуникации и теряют доверие общества.

К сожалению, зачастую неэффективность тех или иных установок управления, существовавших до возникновения современной системы интерактивной коммуникаций, расценивается как их собственный конструктивный или иной формальный недостаток, а не идеологическое противоречие идеологии таких установок, все еще настроенных на функционирование в условиях коммуникационно ограниченных систем и односторонней связи в диалоге «государство-общество».

В полной мере эти явления наблюдаются в области современной уголовно-правовой коммуникации¹, обуславливающей понимание

¹ Под уголовно-правовой коммуникацией здесь понимается [продуктивный и целенаправленный] обмен информацией о совершении преступлений и уголовно-правового обращения с преступниками и жертвами, как со стороны государства, так и общества.

миссии уголовного права в обществе, и, следовательно, прямо влияющей на эффективность уголовного права.

В 2016 году для определения уникального состояния уголовного права, при котором последнее под воздействием новых форм социальных связей, эмоциональных переживание общества и виртуального сегмента (PostTruth) утрачивает первичное социальное значение: позитивное право поглощается субъективным правом, вследствие чего уголовное право может интерпретироваться, изменяя смыслы, вплоть до инверсии, В. А. Туляковым был применен термин «сингулярность» уголовного права [1].

Термин «сингулярность», широко используемый в физике, в современном мире применим и в физике социальной, изучающей закономерности детерминации отношений и связей в социальных системах разных типов. О необходимости применения ее говорилось еще в 2013 году, в период признания очевидности кризиса уголовно-правового регулирования. Речь шла о необходимости использования в научных прогнозах и базовых трендах законотворчества более законов именно социальной физики, поскольку они определяют процессы самоорганизации современного общества [2], основанные на принципах социального натурализма [3; 4].

Однако, социальная физика до сих пор остается за гранью понимания как науки уголовного права, так и правовой политики в целом, порождая излишнее накопление и переизбыток все новых и новых информационных атак уголовно-правовой коммуникации, влекущих все новые и новые интерпретации реализации/нереализации норм уголовного права и самоорганизации населения в связи с эмоционально окрашенной гиперинформированностью его об уголовном праве или злоупотреблениям им.

Накопление и передача уголовно-правовой информации о первичных фактах, ее подачи, интерпретаций, формирование эмоций, представляет собой многоуровневую коммуникацию. Такой много- и разноразрядный обмен информацией между системой управления (власть, правоохранительная, судебная, пенитанциарная системы) и населением (преступник, жертва, социум), основанный на первоначальной фактически подтвержденной информации, во многих случаях наполняется, а нередко и подменяется, неожиданными смыслами вторичными, а нередко — кардинально противоположными первоначальным.

Применение термина «сингулярность» в данном контексте и именно на приобретает технологическую характеристику — «информационную», характеризующую *превышающий критичный для адекватного восприятия любым из субъектов объем информации о норме, ее реализации, целях применения, эмоциях общества, социальных последствиях ее реализации/нереализации, приводящий к коллапсу как реализации нормы, так и самого существования нормы.*

Обратимся лишь к некоторым примерам характеризующими очаговые составляющие информационной сингулярности уголовно-правовой коммуникации в Украине. Как демонстрирует пример событий Врэдиевкы (2013 год), предусмотренная уголовная ответственность и наличие легитимных способов применения ответственности оказалась ничем по сравнению со способностью информации о возможности преступников избежать наказания. Многоуровневая разнородная коммуникация, связанная с возмущенным мнением населения Украины, поглотила информацию о самой причине возмущения, последствиях совершенного преступления: сейчас мало кто из обывателей помнит реальные обстоятельства дела, спрятанными за информационным шумом. Аналогично, информационный повод возмущения, связанный с пресловутым «делом Оксаны Макар», кардинально повлиял на отношение общества к преступникам, и, одновременно, ни коим образом не вскрыл реальную виктимность жертвы и картину преступления, установленную судом. Стоит ли в этом контексте приводить примеры уголовных производств по расстрелам на Майдане в Киеве 18-20 февраля и событий 2 мая в Одессе 2014 года, где коммуникационная составляющая, в принципе, была не следствием, а целью совершенных преступлений. Сами факты преступления и реализация норм уголовного права имеет вторичное значение или нивелируется.

С точки зрения понимания технологической сингулярности, как уровня избыточного накопления разнородной информации, все приведенные примеры демонстрируют как отсутствие доказательной и значимой уголовно-правовой информации (действительных знаний об фактах совершения преступления и применении наказания) заполняется информационным шумом, основанным на эмоциональных интерпретациях фактов — постистиной, нарративами общественного мнения.

Поскольку термин *информационная сингулярность уголовного права* еще требует уточнения, первичное его определение может быть сведено к *состоянию сверхконцентрации разнородной и разнопорядковой информации об уголовном праве и его реализации, приводящей к неспособности реализации*. При этом, следует сразу же отметить, что она *характеризует исключительно технологическую составляющую уголовно-правовой коммуникации любого объема и вида*. Следовательно, *информационная сингулярность уголовного права может наблюдаться как в отношении определенных норм или событий, так и в отношении применения уголовного права, регулируемых им отношений и отрасли в целом*.

Фактически, отсутствие необходимой уголовно-правовой информации, как и появление негативной, с точки зрения общества, информации, вызывает ее прирост на уровне эмоциональных оценок. В результате этого возникает концентрация «постистины» — вербализированных и ретранслированных эмоциональные реакций на отсутствие

необходимой или присутствие неприемлемой в данном обществе информации об уголовной ответственности или ее применении.

И, вероятно, одной из причин кризиса уголовно-правового регулирования как и причиной активных девиаций сопротивления уголовной ответственности (восстания, революции, уклонения от ответственности влиятельных лиц, способствование этому со стороны правоохранительных органов), является технологическая сингулярность уголовного права. Не исключено, что именно она, как концентрация информации об уголовном праве, при рациональном использовании всего комплекса информации об отношении общества к современной уголовно-правовой коммуникации может стать ступенью к новому видению и формированию разумного и современного, гуманного и ожидаемого социумом Современного уголовного кодекса.

Собственно, такой путь весьма очевиден и может быть осуществлен рядом ходов уголовно-правовой политики на всех уровнях: переосмысление целей уголовно-правового регулирования и формирование новой идеологии эффективных форм уголовно-правовой коммуникации, криминализация/декриминализация и пенализация/депенализация на основе криминологических экспертиз (не только лишь нормативных актов [5], а и ситуаций) и данных о социальной обусловленности [6] противодействие институционализации преступности [7], включению социальных механизмов в уголовно-правовую коммуникацию [8], мониторинг эффективности уголовно-правовой коммуникации и т.д.

Список использованной литературы:

1. Туляков В.О. Сингулярність у кримінальному праві / В.О. Туляков // Юридичний вісник України. — 2016. — № 45 (1113). — С. 7.; Туляков В.О. Сингулярність кримінального права в контексті гуманізації / В.О. Туляков // Гуманізація кримінальної відповідальності та демократизація кримінального судочинства : матеріали Міжнародного науково-практичного симпозіуму (м. Івано-Франківськ, 18–19 листопада 2016 р.). — Івано-Франківськ : Редакційно-видавничий відділ Івано-Франківського університету права ім. Короля Д. Галицького, 2016. — С. 286–289.
2. Туляков В.А. Социальная физика и уголовная ответственность / В.А. Туляков // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності : матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Харків, 10-11 жовтня 2013 р.). — Х. : Право, 2013. — С. 83–88.
3. Костенко О.М. Концепція модернізації криминології у світлі соціального натуралізму (про основи "натуралістичної" криминології) / О.М. Костенко // Право України. — 2009. — № 7. — С. 31–39.
4. Костенко О.М. Що є право? Про основи "натуралістичної" юриспруденції у світлі соціального натуралізму / О.М. Костенко // Право України. — 2010. — № 4. — С. 83–92.
5. Закалюк А.П. Курс сучасної української криминології: теорія і практика : у 3 кн. / А.П. Закалюк. — К. : Видавничий дім "Ін Юре", 2008. — Кн. 3 : Практична криминологія. — 2008. — 320 с.

6. Пашенко О.О. Соціальна обумовленість кримінально-правових норм: проблеми міждисциплінарних зв'язків / О.О. Пашенко // Наука кримінального права в системі міждисциплінарних зв'язків : матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Харків, 9-10 жовтня 2014 р.). — Харків, 2014. — С. 150–154.
7. Дремін В.Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества : [монографія] / В.Н. Дремін ; Одес. нац. юрид. акад. — О. : Юрид. л-ра, 2009. — 616 с.
8. Литвинов О.М. Соціально-правовий механізм протидії злочинності в Україні : [монографія] / Литвинов О.М. — Х. : Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2008. — 446 с.

ГЛУШКОВ В. О.

Національний університет «Одеська юридична академія»,
професор кафедри кримінального права, академік
Європейської академії безпеки та конфліктології,
заслужений юрист України, доктор юридичних наук, професор

ДОРОХІНА Ю. А.

Київський національний торговельно-економічний університет,
доцент кафедри адміністративного, фінансового та інформаційного права,
кандидат юридичних наук, доцент

**КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ПОЛІТИКА
ЩОДО ОХОРОНИ ВЛАСНОСТІ**

Передумовою соціально-економічного та суспільного розвитку українського суспільства є оптимальний захист відносин власності кримінально-правовими засобами, що базується на вдосконаленій кримінально-правовій політиці щодо охорони власності, яка заснована на ліберальних принципах, визначає та закріплює загальні узгоджені напрями такого захисту.

У зв'язку з тим, що Україна узяла на себе зобов'язання налагодити процес адаптування вітчизняної правової системи до принципів положень законодавства Європейського Союзу, нагальною є необхідність переосмислення питань охорони власності кримінально-правовими засобами та формування доктринальних положень оновленої кримінально-правової політики щодо охорони власності. Цей процес, на нашу думку, має бути розпочатий, насамперед, з науково-теоретичної розробки відповідних положень з урахуванням національних особливостей, обумовлених положеннями вітчизняної правової теорії.